

ЧАСТЬ 1

КЛЯЗЬМА

Правда — это худшее, с чего можно начать. Не только потому, что по природе своей она предназначена скорее для итога, но еще и потому, что вначале никакое утверждение не может прозвучать убедительно: читатель далек от заявляемых обстоятельств, а владеющее им душевное состояние не может мгновенно измениться так, чтобы с доверием устремиться в историю, возникающую фактически в пустоте. Читатель, даже если и вглядывается в нее со всем старанием, то все же из собственной жизни, сиюминутного настроения и привычного недоверия, поэтому вряд ли стоит торопить его: никаких убедительных фраз недостаточно, чтобы сразу после них кто-то доверчиво побежал глазами вдоль текста. Только неуклонное, шаг за шагом, движение, разумная постепенность убеждают в честности и надежности постройки, предлагаемой автором. Потому так уместно Предисловие, написанное Авторитетом и искусным Мастером Ступенек, который в трудной начальной позиции умеет из собственного материала соорудить крыльцо, подняться на него вместе с читателем и мягким толчком начать движение входной двери, откуда читатель, держась за веревочку, натянутую автором, начнет свое движение в таинственную полутьму к предполагаемому светлomu выходу.

К сожалению, в данном конкретном случае не получалось ни с авторитетом, ни со ступеньками, ни с дверью. Потому что предстоявшее читателю движение не могло быть удержано внутри какой-либо привычной постройки.

Зимовали в Поречье шесть дворов: три двора коренных деревенских жителей, то есть три одинокие старухи в трех разных, но одинаково темных домах-пятystenках, в которых их изредка навещали разбежавшиеся по окрестным городкам дети и внуки, жили перетасившие свое скудное хозяйство из соседнего опустевшего Хлюпина муж и жена Терентьевы, постоянно проживали переехавшая сюда пять лет назад большая семья баптистов и в единственном в деревне новом доме — Сергей и Светлана Корецкие, которые восемь лет назад построили его на месте старого дома родителей Светланы. Тишина, светлое серое небо, редкий человек на улице, иногда темный дым из трубы и бесконечный белый простор. А летом, конечно, съезжались все: и новые, и старые, и родители с детьми, и самостоятельная молодежь. Лето наполнялось речным визгом и воем пилы по свежим доскам, грохотало музыкой, удивляло пестрым женским клубом на крыльце открывшегося магазина, дразнило запахами горячих обедов и ужинов, интриговало вечерним девичьим променадом и, набрав ходу, взрывалось вдруг каким-нибудь неожиданным скандалом, вовлекавшим в свой круговорот половину деревни, — то есть настоящая живая жизнь, кипение крови и напряжение мускулов. Не так давно, когда неожиданно повалился на бок прежний заскорузлый режим и за ним все привычное устройство жизни, вольный разгульный хмель ударил в крепкие

сельские головы, и семь лет назад, а потом пять лет назад неосторожные женщины были убиты мужьями, а еще в одном случае благоверный был отравлен. Но сумасбродные времена не задержались, выдохлись, и летние истории перестали быть такими вызывающими, все теперь ограничивалось женскими истериками, вязкими мужскими разговорами у глухих заборов и умеренным мордобоем. В последние же годы баловство это стало целиком привилегией молодежи, драки если и были, то курам на смех.

С начала августа, как только «Илья-пророк два уволок», все свое жаркое, легкое и веселое — нежное утро и солнечный полдень, купанье, теплые вечера и сладкие ягоды — утомившееся лето с готовностью предлагало осени, а та, не обращая внимания, собирала свой собственный тяжелый обоз с яблоками, овощами и грибами, вода остывала, страсти стихали, стыд, слезы и разочарования растворялись на мелководье, и, выпроводив к сентябрю отдыхающих, Клязьма продолжала движение ровнее, холодной сине-стальной полосой подчеркивая разгорающийся осенний пейзаж.

Сейчас август был на исходе и летнее изнеможение должно было бы проникнуть повсюду, но как раз в этом году своевольная природа не захотела заметить конец лета и упрямо продолжала свое: короткий дождь вечером, ночью прохлада и отдохновение, а уже с утра и до самого почти вечера — сухой летний жар и безоблачное небо. Маленькие заводы были по-прежнему уютны, травянистый берег и лесные поляны теплы, а желтизна почти незаметна. Народ разъезжался по городам, а более всего в пыльную Москву, со стоном.

Половина большой бутылки домашнего вина, початая бутылка водки, резаные, в слезах, огурцы и помидоры, масло и сметана, зелень, хлеб, сыр и котлеты — три

женщины сидели ранним вечером за столом, покрытым цветастой клеенкой, в саду, между клумбой, осыпанной флоксами, и яблоней, набитой яблоками.

— Все дежурит, — усмехаясь, сказала Светлана, хозяйка дома, высокая светловолосая женщина лет сорока на вид. Две другие повернулись за ее взглядом: в глубине участка, у щели в заборе, стоял здоровенный белый гусь. — Пол-часа как приклеенный.

— А чего он там потерял, красавец этот? — поддержала разговор ее бывшая школьная подруга, еще в девятом классе переехавшая с родителями из Поречья во Владимир.

— Не догадаешься, Тань, — тут же ответила ей Светлана.

— Пора освежить, девочки, — бодро, как и полагается говорить эту фразу, сказала Татьяна, добавляя вина в бокалы. — Я думаю, морковь там у Славиных?

— Ну ты сказала, морковь у него ежедневно по два раза.

— В чужом огороде-то, Свет, всегда все вкуснее.

— Салат они, кажется, любят, — предположила третья, Евгения, темноволосая девушка двадцати трех лет с толстыми короткими косами, и быстро отпила из бокала, не дожидаясь ни ответа, ни тоста. Две другие посмотрели на ее отставленный, но почти полный бокал.

— Трахаться они любят, — сказала Светлана, — а не салат.

— В смысле?

— Славинские там в загончике своем гуляют.

— Какой негодяй, просто так стоит и смотрит? Не крикнет даже, не позовет девушек? — спросила Татьяна.

— Стоит и смотрит. Бруно, любимец наш, производитель бывший. Давайте-ка еще раз за здоровье, наше и близких. Пусть все у нас ладится.

— До дна, значит.

Они выпили, и Татьяна снова повернулась в сторону гуся:

— Бывший, значит? В отказ пошел? Может, там для него порода интереснее?

— Не-а, — оживленно ответила Светлана, — не угадала, из одного инкубатора брала. Все одинаковое. Страсбургская белая, быстрого созревания, яйценоскость, нежное мясо, большая печень и так далее — могу подробно, хочешь?

— Сидите уже, Сизова, пятерка вам. И что же он туда пялится-то? При такой яйценоскости у него и тут должно быть хлопот выше крыши. Бруно! — поняв наконец хозяйкину проблему, крикнула Татьяна в сторону гуся. — Чего ты там потерял, дорогой?

— Действительно все так похожи? — спросила Женя.

— Одна к одной. Калиброванные, как говорит Сергей Дмитриевич. А чем они вообще, в принципе, могут отличаться, а?

— Это надо у Бруно спрашивать, — сказала Женя.

— Ну да, — сказала Светлана, — он бы нафантазировал.

— А правда, чего он туда лезет, Свет?

— У тебя что, первый раз в жизни такой вопрос возник?

— У меня? Да я их никогда...

Женщины посмотрели друг на друга.

— Да уж, похоже, — поняла Татьяна.

— Козлы, — сказала Светлана.

— Гуси, — смеясь, поправила Татьяна, — просто гуси.

Крупное яблоко шлепнулось о землю с чмокающим звуком.

— А вот и поцелуйчик, — сказала Татьяна, — здравствуй, милая моя, я тебе дождался.

— Не поняла.

— А вы думайте, думайте, Сизова.

— Из праха в прах? — спросила Евгения.

— Маладца, Евгения Золтановна.

— А вот и нет, по двоечке вам сейчас выставим обеим! Мы этого ласкового подыдем, вот так, фартучком-то его вытрем, голубчика, а потом нарежем и засушим на зиму. Или на компот, а вовсе даже и не в прах.

— Прекрасно, — улынулась Татьяна, — неужели еще кто-то сушит яблоки и варит варенья?

— И варим, и сушим, и компот.

— Смотри, сколько их в этом году, не думала на продажу? Со всей деревни. В Москве-то даже в самый сезон на рынках по пятьдесят за килограмм.

— А сколько их нужно привезти, чтобы окупить дорогу, а? И кто тебя туда пустит, если там по пятьдесят за килограмм? Как раз и не пускают, чтоб было по пятьдесят.

— Собрать, перебрать, отвезти в Москву и отдать оптом тем же торговцам...

— Отлично, Тань. Давай, организуй бабу Катю и бабу Шуру, они тебе соберут по целой миске. А завтра хоронить их будешь.

— Ты прям скептик какой, ладно, я сама подсчитаю.

— Вот-вот, ты подсчитай сначала, Крупнова, а пока сядь на место.

— Прямо наша математичка. Как ее?

— Людмила Гавриловна.

— Да, стоит у доски, пишет, Жень, спиной к классу, все начинают гундеть, она разворачивается — и ба-бац — как врежет указкой по столу, так, что все подпрыгнут. И тогда она, в тишине, ласково так скажет: детки, тихо-онечко...

— На самом деле добрая была. Помнишь, какая полная, а умирала — тростиночка и вот такого росточка... на похоронах никого не было.

— Ладно, давайте теперь за ваш дом, за хозяйство и за бизнес.

— А что у вас с фуа-гра, Светлана? Идет дело? — спросила Женья.

— Бежит прямо. Гусят откармливаешь, а потом печенка: м-м-мм, сказка!

— То-то нам ни разу не обломилось, — сказала Татьяна.

— Да есть проблемка одна, Тань, печалька, как нынче говорят. Освежи, запьем печальку.

— И что это за печалька такая?

— Да не понравилось мне там кое-что. А ты, Тань, меня знаешь, если уж мне чего не понравилось.

— Что, не тот вкус оказался у деликатеса?

— Ну, давай опять за здоровье. На вкус о-очень даже. Процесс не понравился. Гаваж называется. Вопрос не буду задавать, все равно не ответите, двоечницы. Так вот, не пошел у меня гаваж этот. Нормальные фермеры, французы, они как делают: приколачивают этим гусятам лапки к деревянному полу и потом, милое дело, три раза в день пропихивают кукурузу им в глотку через специальную такую трубку. Вот так если надавить под горлышко, — показала Светлана, — у него глотка и откроется. Вставляй и набивай его кукурузой! Вот те и пячпочка! Да вот бяда-то, вот горесть-то кака-а, нетути у нас энтой-то штучки-то! Специальной хранцу-ускай — вот она, промбле-ема-та. Вот она, пече-алька-та!

— Ну ладно, Свет, хватит, скажи нормально.

— Да не шучу, на самом деле не продается, заказывать надо.

— Ладно, ладно, нашла проблему, и так все понятно, — сказала Татьяна, — ничего себе бизнес.

— О-очень у них успешный.

— Совсем с ума сбрендили — лапы прибивать. Фашисты.

— Ужасная жестокость, — сказала Евгения.

— Ну да, бошки им рубить — это мы можем, а вот чтоб процесс, гаваж этот, здесь не получается.

— Не для нас, видно, эти сказки Матушки Гусыни, — сказала Женя.

— Наше дело — потроха с грешневой кашей, — улыбнулась Татьяна.

— Что еще за сказки Гусыни?

— Да вот, Мария моя под руководством Евгении переводит французские сказки. Оказывается, Свет, все французские сказки — это сказки Матушки Гусыни. «Красная Шапочка», «Кот в сапогах», «Красавица и Чудовище» — все Гусыня рассказала...

— «Красавицу и Чудовище» женщина написала, не помню, как зовут, но не Шарль Перро, — торопливо поправила Женя.

— Поня-а-атно, — сказала Татьяна.

— Я вот и не знала про эту Гусыню, хотя играла Красную Шапку лет семь, наверное.

— Да ты что?

— Да, сначала Шапку, а потом уже всех: Наф-Нафа, Козу и Бабушку под одеялом.

— Наф-Наф — это что? Откуда он там?

— Тань, режиссеры приходили молодые-задорные и вокруг Волка самовыражались, вплоть до танцев волка с козлятами и поросятами. Кордебалет. До тошноты. Никогда так не пьют и не матерятся, как после детских утренников...

— А я помню тебя в «Ромео и Джульетте».

— Был такой эпизод в этой неудавшейся карьере.

— А я не согласна. Что это — неудавшейся? Ты там вообще-то мужа нашла, а еще бы год — и заслуженную артистку получила бы, почему же неудачная...

— Это не я, это он меня там нашел...

— Тем более. Поехал за тобой из Москвы, бросил все.

— Ничего, зато я его в театре тоже неплохо устроила... главный энергетик...

— А я до сих пор не понимаю, почему вы оттуда ушли.

— Да как тебе, Тань, это ж террариум. Инженю, субретки, прости господи, и прыгучие девушки кордебалета. Прыгают все не туда. Это с одной стороны, с его, так сказать. А с актрисами вся режиссура, извини, через постель... Не место там для семьи.

— Гусь ваш очень хорош, — сказала Женя, — стоит напряженно, как скульптура. Древние греки разводили их не для еды, а держали за красоту.

— Да, он такой у нас, вечно напряженный...

— Но мы-то еще не древние, да, девочки? — сказала немного захмелевшая Татьяна, — нам еще кое-что нужно, кроме их красоты.

— Бруно! — резко и громко закричала Светлана. — Пошел отсюда!

Гусь не дрогнул.

— Не нравится ему, Сизова, твое грубое обращение, — сказала Татьяна.

— Bruno, beau, reviens, je vais pardonner, — ласково позвала Женя, но с тем же результатом.

— Дождется он у меня великой французской революции.

— А со своими-то он как, а, Свет, кавалер этот?

— Никак. Давайте за нас, за женщин, за красоту нашу сказочную, а то уже совсем нас эти гуси

игнорируют, — сказала Светлана, посмотрев на часы. Все снова засмеялись.

— То есть совсем никак? — выпив бокал, решила уточнить Татьяна.

Светлана повернулась к ней и, глядя в глаза, сказала:

— Крупнова, если это тебя так интересует, то совсем. Ты не поверишь. Просто вот не трахает их ни разу — и все. Понимаешь? Брезгует.

Татьяна, улыбаясь и не отводя взгляда, ласково сказала:

— Понятно. Значит, это идейный ходок, дело в принципе.

— В каком, просвети нас, таком принципе?

— Не в происхождении, не в образовании и не в красоте, — сказала вдруг Женя.

— Так, еще одна цитата. Скажи, Тань, в каком принципе?

— Ближние им не интересны. Загадка нужна, а загадка — она за забором. Отсюда принцип — ходить за забор.

— Тут согласна. Без забора все бабы одинаковые.

— Да ладно, Свет, ты всерьез? А мужчины разные, что ли?

— Ну конечно, — ответила Светлана, — а то ты не знаешь. Природа такая.

— Значит, у нас есть выбор, а у них нет! — ответила, рассмеявшись, Татьяна.

— У нас есть, но мы не выбираем. У них нет, а они все выбирают. Хватит уже этот сушняк, давайте беленькой по пятьдесят грамм, скажем, за удачу.

— Я пас, — сказала Женя, — а то я на своем велосипеде не доеду, свалюсь.

— Вольному — воля, пьем кто за что: за удачу, за детей или за ушедшее здоровье. Так. Ой, сейчас, подождите,

аттракцион, аттракцион! Яблоки мои любимые, с двух яблонь. — Светлана встала и осторожно сделала несколько шагов к соседней яблоне, сдвигая резиновыми розовыми полусапожками лежащую сплошным ковром падалицу. Набила карманы фартука и направилась к другой яблоне. Остановилась на полдороге, повернулась и крикнула: — Смотри, сейчас постоит, потом голову в щель просунет и будет еще полчаса стоять. — И повернула к дому.

— Ты что, плохо себя чувствуешь, Жень? — спросила Татьяна. — И вино по чуть-чуть, и не ешь ничего.

— Да не хочется что-то, с утра сладкого похватала, а потом с Машей на велосипедах по жаре — аппетита совсем нет, — ответила Женья.

— Поня-атно, как там Мария наша занимается последнее время?

— Вы знаете, старается, интерес появился. С произношением тоже прогресс, думаю, в школе всех удивит. Я возьму оба велосипеда и пойду поищу ее.

— Да ладно, что ее искать, с подружками она.

— Неудобно как-то, я за ней ехала, а оказалась тут, за чужим столом.

— Ни за каким не за чужим, тут все свои, а с велосипедом ее мы сами справимся, посиди еще с нами, а вечером зайди за денежкой.

— Мне жалко, что Маша бросила музыку.

— Она не бросала. Это я устроила ей перерыв, когда узнала, что она переходит Мерзляковский с закрытыми глазами, чтобы хорошо сыграть... представляешь, через проезжую улицу?... примета у нее такая... В общем, думаем пока, что делать с этим фанатом и какая может быть перспектива. Мама твоя как, уехала уже?

— Ну да, ее надолго не хватает. Неделя — и опять в Ковров. А то Петр Викторович скучают. А дом бабушкин разваливается.

— Жень, я уже не помню, бабушка здесь похоронена?

— Ну да, и бабушка, и дедушка, и братья мамыны — наших там много.

— Про бабушку не помнила. Она ведь уезжала в Венгрию... А ты когда собираешься отсюда? Мы-то во вторник уже трогаемся, все, первое сентября...

Светлана вынесла из дома блюдо с двумя кучками яблок, поставила на стол и взглянула на участок:

— Сукин кот.

— А может, у него там любовь? — предположила Татьяна. — Какая-нибудь Серая Шейка.

— Какая-нибудь серая жопка, — ответила Светлана, — пробуйте, один и тот же сорт: мельба и мельба, расстояние двадцать метров, вкус абсолютно разный.

— Я думала, что гуси моногамны, — сказала Женья.

— Это дикие гуси, девушка. Дикие — это моно, и в песнях они называются гуси-лебеди: давай, говорит, любимая, летим с тобой рядом, всю жизнь, лебедь моя белая, да под облаками, курлы-курлы. А домашние — это такое стерео, это такие курлы-курлы...

— Не знаю, может, после вина, но я не чувствую, по-моему, вкус одинаковый, Свет...

— Вот! По-моему, тоже. А некоторые особо чувствительные натуры утверждают, что соотношение специфической кислоты и, соответственно, специфической сладости ну просто совершенно разное, и кушают они исключительно вон с того, — Светлана показала на дальнее от стола дерево.

— Ну не знаю, — сказала Татьяна и стала еще раз пробовать.

— Бруно! — закричала Светлана.

Гусь не пошевелился.

— Бруно, ты сукин бесполезный кот!!

— Умора, — мрачно сказала Женя.

— Ну все, — сказала Светлана, — хватит, достала эта райская птица. — Она встала и, стараясь идти ровно, пошла к сараю.

Весь год по субботам и в любую погоду Славины всей семьей ездили за тридцать километров в соседний городок в баптистскую церковь. В пятницу вечером к Светлане заходила Надежда, женщина тридцати пяти лет в платке и темном платье, и оставляла ключи. Славины выезжали сразу после утренней дойки, а Светлана в семь тридцать, сыпанув сначала своим, шла с нарубленной зеленью к ним во двор. Полмешка своим — полмешка славинским. И в течение дня еще пару раз заходила к соседям кормить птицу и животных, а с вечерней дойки Надежда присылала с одной из дочерей трехлитровую банку молока — это не было платой, обе это понимали, это была благодарность и протянутая рука.

Ключи Славиных висели на гвозде у входа в сарай, а тесак лежал на верстаке, и когда Светлана шла из сарая к калитке, Татьяна с Женей видели, как край его поблескивал на солнце. Прикрыв собственную калитку, она дошла до калитки Славиных, открыла, закрыла ее без стука и медленно пошла вдоль забора, разделяющего участки. Через щели было видно, как фигура в светлом платье сначала двигалась, а потом замерла. Как только голова и шея Бруно пролезли в отверстие, Светлана с шагом ударила поднятым тесаком, но тесак только наполовину рассек ему шею. Бруно попытался вытащить голову назад, и голова его на куске шеи зацепилась за доску, и он

дергался, пытаясь выправить ее. Шея прижималась к доске так, что зажимала перерезанную жилу, но Бруно дернулся — и кровь, ярко текшая по белому гладкому перу, брызнула вдруг Светлане прямо в лицо и на грудь. Светлана, успевшая снова поднять тесак, вторым ударом отсекла Бруно голову.

Татьяна и Женя увидели, как тело Бруно без головы отсоединилось от забора и, фонтанируя кровью, рванулось и побежало, но буквально через пару секунд рухнуло на дорожке. Женя чуть привстала и, полунаклоненная, метнулась в сторону, стараясь успеть добежать до глухого угла, заросшего сорной травой и крапивой. Ее рвало с паузами, с каким-то приглушенным звуком, видимо, она сдерживалась изо всех сил. Татьяна, бормоча «господи, господи», побежала в дом за водой, налила доверху кастрюльку и, боясь пролить, но все равно проливая, пробежала обратно. Намочила край полотенца и протянула Жене. Отплевавшись, обтершись и прополоскав рот, на ватных ногах та вернулась за стол. Когда Татьяна опять посмотрела на щелястый забор, светлое пятно только начало обратное движение вдоль забора. Татьяна, понизив голос, спросила: ты что, залетела, Женя? Женя молча смотрела на забор. Когда светлое пятно пропало, она повернула голову к Татьяне и строго сказала: да.

— Поехали отсюда вместе с нами, — быстро и тихо сказала Татьяна.

В калитку, толкнув ее тесаком, зажатым в правой руке, вошла Светлана. В левой руке у нее была голова Бруно. Лицо, платье и тесак были залиты кровью.

— Протри мне, пожалуйста, глаза, Татьяна.

Татьяна, взяв полотенце, подошла к Светлане и осторожными движениями стала протирать ей лицо.

— Чем оно у тебя воняет? — спросила с закрытыми глазами Светлана.

Татьяна ахнула:

— О господи, сейчас, погоди минуту, другое принесу.

— Не надо, — остановила ее Светлана, — в душ пойду, а вы не уходите никуда, ждите меня. — Светлана прошла вперед, бросила голову Бруно рядом с его телом, ковырнула ее сапожком, чтоб она встала вертикально, и повернула к душе. Слышно стало, как за кустами черноплодной рябины зашумела вода в кабинке из гофрированной пленки.

— Мы во вторник уезжаем, поехали с нами. Нельзя тебе здесь оставаться. Видишь сама-то? — пристально глядя на Женю, четким шепотом проговорила Татьяна.

— Вижу.

— Вторник рано утром, в шесть тридцать к нам.

— Я не могу ехать в машине, меня тут же выворачивает, — сказала Евгения.

— Доведем тебя до станции, поедешь на поезде, главное — стартовать, а ему скажи, что с нами поедешь.

— Кому сказать? — тихо и сердито спросила Женя.

Татьяна молча смотрела на нее, потом ответила:

— Кому решишь, тому и скажи.

— Спасибо, я решу, — Женя сидела, иногда близоручко поглядывая на белое взъерошенное пятно на дорожке, и думала, по какой бы причине сбежать из-за стола.

— А вот и труженики сельской механизации! — Татьяна обращалась к входящим в калитку двум мужчинам в рабочей одежде.

Один, Павел Никитин, блондин лет сорока пяти с крепкими плечами, прошел прямо к столу и откусил протянутый ему Татьяной бутерброд. Второй — русоволосый, высокий, худощавый мужчина с усами и не очень ухоженной,